

УДК 81'362

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ
АНГЛИЙСКОГО СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (THE SUBJUNCTIVE MOOD)
И КЫРГЫЗСКИХ УСЛОВНОГО (ШАРТТУУ ЫҢҒАЙ), ЖЕЛАТЕЛЬНОГО (ТИЛЕК ЫҢҒАЙ)
И ДОЛЖЕНСТВОВАТЕЛЬНОГО (МАКСАТ ЫҢҒАЙ) НАКЛОНЕНИЙ**

Н.С. Акишева

Исследуется грамматическая категория сослагательного наклонения английского языка и функционально соотнесенных наклонений кыргызского языка. На основе примеров автор показывает сходства и различия наклонений английского и кыргызского языков. В грамматической системе кыргызского языка не имеется однозначного сослагательного наклонения, функционально прямо и непосредственно аналогичного английскому сослагательному наклонению (the Subjunctive Mood), но в кыргызском грамматическом строе имеются так называемые условное наклонение (шарттуу ыңгай), желательное наклонение (тилек ыңгай) и долженствовательное наклонение (максат ыңгай), которые в определенной степени выполняют в грамматической системе кыргызского языка ту же самую работу, которую выполняет в грамматической системе английского языка the Subjunctive Mood.

Ключевые слова: наклонение; сослагательное наклонение; грамматическая категория; граммема.

**FUNCTIONAL-GRAMMATICAL TYPOLOGY OF THE ENGLISH SUBJUNCTIVE MOOD
AND KYRGYZ CONDITIONAL, OPTATIVE AND ESSENTIAL MOODS**

N.S. Akisheva

The grammatical category of subjunctive mood in English language and functionally correlated moods of Kyrgyz Language is investigated. The author shows similarities and differences of moods in English and Kyrgyz languages on the base of the examples. There is no subjunctive mood in the grammatical system of the Kyrgyz language, which is not typical for English Subjunctive Mood, but there are conditional, optative and essential moods in Kyrgyz grammatical system, which carry out the same function as subjunctive mood in grammatical system of English language.

Keywords: mood; subjunctive mood; grammatical category; grammeme.

Классик русской советской лингвистической энциклопедической мысли О.С. Ахманова дает такое определение сослагательному наклонению как универсальной языковой категории, но на материале русского языка: “Наклонение... – сослагательное, выражаемое глагольной формой, совпадающее с формой прошлого времени, и частицей “бы” и передающее значение желательности, предположительности (“я пошел бы”), возможности, обусловленности (“я сказал бы, если бы...”). Это наклонение, как и повелительное, не имеет временных форм, обозначенное им действие может относиться к любому временному плану. Частицей “бы” может отрываться от глагола и располагаться при других членах предложения (“я пошел бы”, “я бы охотно пошел”)” [1].

В аналитическом германском английском языке и агглютинативном тюркском кыргызском наличие сослагательного наклонения признается только в первом, в котором его основное значение указывает на то, что говорящий рассматривает высказываемое им сообщение о действии не как о реальном факте, а как о нечто желательном; действие могло бы воплотиться в реальности, если бы были соблюдены определенные условия [2].

Структурно-грамматическая классификация грамматических форм английского сослагательного наклонения (The Subjunctive Mood), в основном представлена двумя точками зрения. Одна группа ученых классифицирует грамматические формы английского сослагательного наклонения

исходя из них синтаксических структур, распределяя их на синтаксические (простые) и аналитические (сложные) формы. В основе такой классификации сослагательного наклонения лежит синхронический принцип, синхронное состояние английского языка второй половины XX в. К семантическим формам сослагательного наклонения они относят Present Subjunctive и Past Subjunctive, обозначая конкретные проявления синтетических форм традиционными терминами, сохранившимися еще от древнеанглийского языка и утерявшими в современном английском языке временные значения [3]. К аналитическим формам сослагательного наклонения они причисляют грамматические структуры сочетания вспомогательных глаголов should, would с формой инфинитива без частицы to; данные аналитические формы употребляются в английском языке сегодняшних дней для обозначения действия, относящегося к любому времени, однако при условии, что оно не предшествует моменту речи. Аналитические формы английского сослагательного наклонения употребляются большей частью в различного рода придаточных предложениях: придаточных при подлежащем, в придаточных дополнительных, в придаточных обстоятельственных самых разнообразных типов и др.

Другая группа ученых исходит при классификации грамматических форм английского сослагательного наклонения из диахронических целеустановок, учитывая историко-временное разбиение грамматической системы английского языка [4]. Подразделяя все грамматические формы английского сослагательного наклонения на три группы, названные ученые относят к первой группе Present Subjunctive, Past Subjunctive и Past Perfect Subjunctive, указывая при этом на то, что в этой группе существует лишь небольшое количество грамматических структур сослагательного наклонения, отличных от структур изъявительного наклонения. Ко второй группе форм сослагательного наклонения они относят сочетание should (во всех лицах ед. и мн. числа) с Indefinite Infinitive и с Perfect Infinitive. К третьей группе они относят сочетания should (в первом лице ед. и мн. числа) и would (во втором и третьем лице ед. и мн. числа) с Indefinite Infinitive и Perfect Infinitive; при этом сочетании should (would) с Indefinite Infinitive совпадает по форме с Future Indefinite in the Past, а с Perfect Infinitive – с Future Perfect in the Past. Диахронический подход во второй классификации грамматических форм английского сослагательного наклонения обусловлен тем, что синтаксические структуры с should и would рассматриваются в соотносительно-

сти их первоначальных изъявительных значений с современными значениями сослагательного аспекта [5].

В кыргызском языке конкретным образом сослагательное наклонение не выделено. Видимо, это обусловлено той лингвистической традицией, которая имеет место быть в современном тюркском языкознании [6]. В кыргызском языкознании выделяются, однако, три другие грамматические категории наклонения, функционально соотносимые с английским Subjunctive Mood. Они обозначаются как: *тилек ыңгай* (желательное наклонение), *шарттуу ыңгай* (условное наклонение) и *максат ыңгай* (долженствовательное наклонение).

“Условное наклонение характеризует действие как условие для совершения какого-либо другого действия... условное наклонение служит для выражения условно-следственной связи между двумя действиями” [7].

Грамматическая структура кыргызского желательного наклонения обладает семантикой желания, намерения совершить определенное действие, при этом само желание действия не зависит от воли говорящего, как того лица, которое намеревается совершить это действие [8].

Что касается долженствовательного наклонения, по своей функциональной соотносительности близкого к английскому the Subjunctive Mood, то оно имеет неоднозначные толкования в кыргызском языкознании. Так, в академической грамматике кыргызского языка оно трактуется как “наклонение намерения” (ниет ыңгай) и выражает семантику намерения совершить какое-либо действие. В нормативной вузовской грамматике данное кыргызское наклонение толкуется как наклонение долженствования (максат ыңгай), выражая “... цель субъекта действия или такое же действие, которое предreshено и необходимо для этого субъекта” [9]. Предпочтительно пользоваться вторым термином “долженствовательного наклонения”, поскольку он более соответствует природе данного целевого наклонения, когда цель должна быть достигнута при определенных действиях.

Для понятийно-смыслового анализа грамматической категории английского сослагательного наклонения (the Subjunctive Mood), равно как и для его кыргызских функциональных соответствий: условного наклонения (шарттуу ыңгай), желательного наклонения (тилек ыңгай) и долженствовательного наклонения (максат ыңгай) используем понятие и термин “граммема”, под которым понимается компонент грамматической категории, в данном случае, наклонения

в английском и кыргызском языках, являющийся понятием видовым по отношению к родовому понятию всей грамматической категории [10]. Это: 1. Идентифицирующие граммы, выражающие семантику широкого объема абстракции и присущие всему классу, или большей части класса языковых средств, функционирующих в данной грамматической категории; 2. Дифференцирующие граммы, выражающие семантику малого объема абстракции и присущие меньшей, или наименьшей части класса языковых средств, функционирующих в данной грамматической категории [11].

Например:

1. "If I saw him to-morrow, I should ask him about it", Kismine confessed. (Fitzgerald F.S. *The Diamond as Big as the Ritz*). Если бы я увидела его завтра, я бы спросила его об этом, – вздохнула Кисмина. (Фицджеральд Ф.С. Алмазная гора) [12].
2. "If I won a large sum of money, I should buy a motor car", he answered. (Meyer St. *Twilight*). Если бы я выиграл крупную сумму, я бы купил автомобиль. (Мейер. Сумерки).

В приведенных выше английских примерах грамматическая категория обладает двумя идентифицирующими граммами:

1. "Выражение желания говорящего" а): в данном предложении – это желание спросить; б): здесь это желание купить автомобиль).
2. "Выражение условия для выполнения желания" а): если увидеть его; б): если выиграть крупную сумму денег).

Однако данные две идентифицирующие граммы еще не могут конструировать все функционально-грамматическую структуру английского *the Subjunctive Mood*, для этого должна быть задействована еще одна дифференцирующая грамма.

Основным критерием для вычленения дифференцирующих граммем служит признак реальности – нереальности желаемого действия, которое может или же должно быть осуществлено при соблюдении или выполнении некоторых условий [13].

Однако смысловое рассмотрение фактического англоязычного материала показывает, что мы имеем не дуальную корреляцию реального- нереального противопоставления желаний говорящего и условий выполнения желаний, а противопоставление третичное, триадное. В нашем фактическом англоязычном материале выделяются признаки, т. е. дифференцирующие граммы:

1. "Выражение вероятного (реального) желания".
2. "Выражение маловероятного (не полностью ре-

ального) желания" 3. "Выражение невероятного (нереального) желания".

Например:

3. *Mr. Spencer speaks as if he knew the subject very well (Simms W.G. Grayling; or, Murder Will Out)*. М-р Спенсер говорит так, как будто знает этот предмет хорошо (У.Г. Симмс. Грейлинг, или Убийство обнаруживается).
4. "If we were here, he would help us", – agreed *Jasmine fervently F.S. (Fitzgerald. The Diamond as Big as the Ritz)*. "Если бы он был здесь, он помог бы нам", – горячо соглашалась Жасмина (Ф.С. Фицджеральд. Алмазная гора) [14].

Англоязычные примеры (3) и (4), в которых можно выделить дифференцирующие *вероятные (реальные) желания*, объединяются в одну группу. "Вероятность" выполнения желания мотивируется с позиций функционально-грамматического подхода понятийно-смысловым содержанием предложения в сослагательном наклонении, а с позиций структурно-грамматического подхода постановкой предложения в Present Subjunctive и в Past Subjunctive в разного вида придаточных предложениях [15].

Ранее было отмечено, что в грамматической системе агглютинативного тюркского кыргызского языка не имеется однозначного сослагательного наклонения, функционально прямо и непосредственно аналогичного английскому сослагательному наклонению (*The Subjunctive Mood*), но в кыргызском грамматическом строе имеются так называемые условное наклонение (шарттуу ыңгай), желательное наклонение (тилек ыңгай) и долженствовательное наклонение (максат ыңгай). Данные кыргызские шарттуу ыңгай, тилек ыңгай и максат ыңгай в определенной степени выполняют в грамматической системе кыргызского языка ту же самую работу, которую выполняет в грамматической системе английского языка *the Subjunctive Mood*.

В кыргызскоязычном фактическом материале выделяются идентифицирующие граммы, так же как и в материале из английского языка. Одна кыргызская идентифицирующая грамма "выражение желания говорящего" является общей для всех трех наклонений кыргызского языка: для условного наклонения (шарттуу ыңгай), для желательного наклонения (тилек ыңгай) и для долженствовательного наклонения (максат ыңгай). Кроме того, в данных кыргызских наклонениях имеются и другие идентифицирующие граммы.

Например:

5. *Абдымомун бек: "Мен андай буйрук берсем, эчаак эле бул тополоң басылып калмак деп*

айтты (Касым-Бек Т. Баскын). Абдымомун бек сказал: “Если бы я отдал такой приказ, то все эти беспорядки давно бы закончились” (Касым-Бек Т. Захват) [16].

6. – Э, ботом, бул кепти мага кечеги күнү айтсаң кандай! (М. Мураталиев. Жаңы конош). – Ну и ну, сказал бы ты мне эти слова вчера! (М. Мураталиев. Новое соседство).

7. *Ошол жакка барсаңар, күтүп алат Сур Эчки* (Кожожаш. Эпос). Если вы отправитесь туда, то встретит вас Мать-Коза (Кожожаш. Эпос).

Кыргызские предложения (5), (6) и (7) выражены грамматически в условном наклонении шарттуу ыңгай, которое “... обозначает условие для совершения какого-нибудь действия и образуется специальным аффиксом -са и личным аффиксами” [9]. Так, в примере (5) *берсем* содержит специальный аффикс -се- и личный аффикс первого лица ед. числа -м; в примере (6) *айтсаң* содержит специальный аффикс са- и личный аффикс второго лица ед. числа -ң; в примере (7) *барсаңар* содержит специальный аффикс -са- и личный аффикс второго лица мн. числа.

Несмотря на наличие различных личных аффиксов, например, в примере (5) *берсем* первого лица ед. числа, в примере (6) *айтсаң* второго лица ед. числа, а в примере (7) *барсаңар* второго лица мн. числа, данные предложения содержат в своей функционально-грамматической структуре одну общую идентифицирующую грамму “выражение желания говорящего”, поскольку в кыргызском языке “форма условного наклонения выражает желательность”.

Кроме идентифицирующей граммы, в функционально-грамматической структуре кыргызского шарттуу ыңгай выделяется еще одна идентифицирующая грамма – “выражение выполнения желания”, поскольку категориальная понятийно-смысловая структура данного наклонения направлена именно на идентификацию условия (условий), при которых становится возможным совершение другого действия. В приведенных кыргызских предложениях их функционально-грамматические структуры содержат данную идентифицирующую грамму; (5): *берсем* – *басыйп калмак*; (6): *айтсам* – *кандай (башкача болмок)*; (7): *барсаңар* – *күтүп алат*.

Типологическое изучение грамматической категории наклонения в структурно разноразличных и генетически неродственных аналитическом

германском английском и агглютинативном тюркском кыргызском языках в аспекте функциональной грамматики предусматривает распределение языковых средств, участвующих в образовании того или иного наклонения, по структуре определенного функционально-семантического поля (ФСП).

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. М.: Сов. энцикл., 1966. 321 с.
2. Беляева М.А. Грамматика английского языка / М.А. Беляева. М.: Высш. шк., 1977. 226 с.
3. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова. М.: Высш. шк., 1976. 191 с.
4. Качалова К.Н. Практическая грамматика английского языка: в 2 ч. / К.Н. Качалова. Киев: Методика, 1995. Т. 1. С. 126–127 с.
5. URL: <http://dlib.eastview.com/browse/> (дата обращения: 28.08.2017).
6. Нурмаханова А.Н. Түркү түлдерүнүн салыстырмалы грамматикасы: ун-т пен пед. ин-дын филол. фак. арналган / А.Н. Нурмаханова. Алматы: Мектеп, 1971. 205 б.
7. Грамматика киргизского литературного языка / отв. ред. О.В. Захарова. Фрунзе: Илим, 1987.
8. Кыргыз адабий тилинин грамматикасы. Фрунзе: Илим, 1980-1 болум: Фонетика жана морфология. 539 б.
9. Ахматов Т.К. Киргизский язык / Т.К. Ахматов, С.А. Давлетов, Ш.Ж. Жанаров и др. Фрунзе: Мектеп, 1975. 114 с.
10. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. М., 1990. 117 с.
11. Булыгина Т.В. Грамматические оппозиции / Т.В. Булыгина. М., 1968. 213 с.
12. Fitzgerald F.S. The Diamond as Big at the Ritz / F.S. Fitzgerald. М., 2011. 210 p.
13. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. М.: Изд-во лит. на иностран. языке, 1957. 286 с.
14. Simms W.G. Grayling or “Murder Will Out” / W.G. Simms. М., 1984.
15. Stevenson R.L. The Boottle Jmp. Best British Short Stories / R.L. Stevenson. М., 2013.
16. Касым-Бек. Баскын: тарыхый роман / Касым-Бек. Бишкек: Шам, 2000. 400 б.